

Петрова Елена Серафимовна, Статеева Елена Васильевна

ПЕРЕВОД И КОММУНИКАТИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ МЕДИАЦИЯ: ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЙ

В статье проводится анализ явления языкового посредничества в условиях как межъязыковой, так и монологической коммуникации. Общее понятие "языковое посредничество" подразделяется на "посредничество-перевод" и "посредничество-медиацию", в первую очередь на основании параметра наличия собственной коммуникативной интенции у посредника-медиатора в отличие от "непредвзятости" прототипического посредника-переводчика. На материале современной англоязычной литературы авторы выявляют ключевые признаки языковой коммуникативной медиации как специфического вида языкового посредничества. В заключение делается вывод о динамическом характере соотношения перевода и языковой коммуникативной медиации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 121-126. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Караџић В. Ст.** Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи. У Бечу: У штампарији Јерменскога манастира, 1849. 388 с.
5. **Колесов В. В.** Язык и ментальность. Серия: Slavica Petropolitana. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
6. **Прохоров Ю. Е.** В поисках концепта. М.: Наука, 2008. 176 с.
7. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
8. **Matešić J.** Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika. Zagreb: IRO «Školska knjiga», 1982. 808 s.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT “WIFE” (WOMAN) IN THE SERBIAN AND CROATIAN PHRASEOLOGICAL UNITS AND STABLE NON-METAPHORICAL COLLOCATIONS

Pautova Ul'yana Vladimirovna
Saint Petersburg State University
apokolokintoz@mail.ru

The article deals with the problem of interpreting a conception of –concept”, analyzes Serbian and Croatian phraseological units and stable non-metaphorical collocations representing a concept of –wife” (woman). Relying on the conducted analysis the author concludes that the perception of woman in the patriarchal Serbian and Croatian linguistic pictures of the world is rather negative. It may be conditioned by the androcentricity of the language.

Key words and phrases: Serbo-Croatian language; concept; linguistic picture of the world; concept –woman”; phraseological units about woman.

УДК 8; 81-22

Филологические науки

В статье проводится анализ явления языкового посредничества в условиях как межъязыковой, так и монологической коммуникации. Общее понятие «языковое посредничество» подразделяется на «посредничество-перевод» и «посредничество-медиацию», в первую очередь на основании параметра наличия собственной коммуникативной интенции у посредника-медиатора в отличие от «непредвзятости» прототипического посредника-переводчика. На материале современной англоязычной литературы авторы выявляют ключевые признаки языковой коммуникативной медиации как специфического вида языкового посредничества. В заключение делается вывод о динамическом характере соотношения перевода и языковой коммуникативной медиации.

Ключевые слова и фразы: языковое посредничество; устный перевод; языковая медиация; трилог; коммуникативная интенция; коммуникативное затруднение; монологическая коммуникация; межъязыковая коммуникация.

Петрова Елена Серафимовна, к. филол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
saint-petelena@mail.ru

Статеева Елена Васильевна
Санкт-Петербургский государственный университет
helenarty@mail.ru

ПЕРЕВОД И КОММУНИКАТИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ МЕДИАЦИЯ: ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЙ[©]

Исследователи разных направлений отмечают, что роль межкультурной коммуникации в современном глобальном сообществе неизменно возрастает, а в рамках монокультурной коммуникации наблюдаются изменения в сторону большей публичности и демократизации общения. Среди причин этого феномена следует назвать повышение мобильности социальных факторов, увеличение проницаемости разного рода границ (экономических, социальных, культурных, информационных) и фасилитацию межкультурных связей и отношений. Поэтому коммуникативные и прагматические аспекты языка привлекают особое внимание лингвистов; соответственно, возрастает интерес к явлению языкового посредничества, как в лингвистическом, так и в прагматическом аспекте.

В данной статье мы обратимся к проблеме разграничения понятий «перевод» и «коммуникативная языковая медиация». Для сопоставления этих понятий целесообразно обратиться к ситуации непосредственного общения и взаимодействия, причем такой, которая представляет собой трилог. Проблема заключается в том, что в теории перевода вопрос о языковом посредничестве традиционно ставится в связи с ситуацией перевода; при этом термины «посредничество» и «медиация» подчас используются как синонимичные, тем более что англоязычными исследователями используется, как правило, единый термин «mediation». Как будет показано ниже, это приводит к некоторому смешению понятий и явлений коммуникации: и языковое

посредничество, и языковая медиация по сути приравняются к переводу, и эти термины оказываются взаимозаменяемыми. Это особенно заметно в описаниях ситуации устного перевода, когда переводчик оказывается в естественном положении непосредственного участника речевого общения, попеременно выполняя две роли: он воспринимает смысл сказанного первым коммуникантом и выражает этот смысл на другом языке, адресуя свое высказывание второму коммуниканту.

Суммируя воззрения современных лингвистов, Л. Л. Нелюбин определяет языковое посредничество как «деятельность человека, владеющего двумя языками, обеспечивающая речевое общение людей, пользующихся разными языками» [6, с. 262]. При этом отмечается, что общение через языкового посредника осуществляется путем постановки ему коммуникативных задач. Нам представляется, что далеко не во всех случаях коммуникативный посредник выполняет задачу, поставленную перед ним заказчиком. Характерно, что Л. Л. Нелюбин также указывает на существование двух видов (подклассов) языкового посредничества: эквивалентное языковое посредничество, т.е. перевод, когда коммуникативные функции исходного и конечного сообщения идентичны друг другу, и гетеровалентное языковое посредничество, т.е. переложение с обработкой содержания, сопровождаемое вторичными изменениями, не вызванными собственно языковыми причинами [Там же, с. 262-263]. Впрочем, данные определения не проясняют вопроса о разграничении перевода и коммуникативной языковой медиации, но однозначно указывают на то, что языковое посредничество может иметь различную природу в зависимости от собственно языковой и коммуникативно-прагматической составляющей общения. По-видимому, термин «посредничество» может рассматриваться как обобщающий термин, который охватывает как перевод, так и коммуникативную языковую медиацию.

Говоря о «межъязыковом посредничестве» как о языковой игре в широком понимании этого термина, аргентинский лингвист и практикующий переводчик С. Вьяджо называет основным подтипом межъязыкового посредничества именно перевод и подчеркивает, что прототипический перевод может быть определен и онтологически очерчен просто как непредвзятое воспроизведение в отдельном речевом акте смыслового значения, формально выраженного в первом речевом акте [14, р. 22]. В этом определении, как нетрудно заметить, также подчеркивается идея «объективности» (непредвзятости) перевода как вида языкового посредничества.

Проводя различие между интерпретацией текста и интерпретацией смысла, М. Ледерер аналогичным образом отмечает, что интерпретация смысла, под которой понимаются его оценка переводчиком, возможные выводы и ассоциации, не входит в обязанности переводчика, то есть предполагается, что переводчик, выполняя задание заказчика, будет соблюдать максимально возможные объективность и беспристрастность [5].

Между тем, сознательное или несознательное вовлечение личности в диалог всегда является причиной актуализации ее ментальных процессов идентификации со «своим» собеседником («однородным по стилю ментальности») и дистанцирование от «чужого» в наиболее широком смысле [4]. Сторонняя личность, вначале являющаяся свидетелем диалога, вовлекается в коммуникацию в качестве посредника в тех случаях, когда требуется освободить первоначальных участников от решения какой-либо коммуникативной задачи или коммуникативно-затруднения, способствовать достижению ими примирения, взаимопонимания. Такое вмешательство, по мысли Э. Гофмана, помогает участникам коммуникации сохранить свое лицо [3, с. 43-45]. Совершенно очевидно, что такое вовлечение третьего лица в процесс коммуникации отнюдь не всегда связано с переводом.

Впрочем, даже выступая в роли переводчика, чья профессиональная обязанность состоит в том, чтобы говорить, «как будто» он совершенно беспристрастен, невзирая на собственные взгляды и чувства [14, р. 71], коммуникант-посредник может иметь собственное коммуникативное намерение, самостоятельно определять диапазон выполняемых задач и в значительной степени полагаться на собственное экспертное мнение.

Категории «намерение» современные психологи, социо- и психолингвисты придают первостепенное значение в понимании коммуникативного процесса. Оно трактуется как известное психологическое состояние, стимулирующее социально значимую (коммуникативную) интенцию [8, с. 243].

Тем не менее, в целом характер и результат действий языкового посредника-переводчика определяются не его личными намерениями, а навязываются ему условиями и задачами межъязыковой коммуникации. Цель коммуникации и способы ее достижения задаются факторами, внешними по отношению к переводчику, который выступает как исполнитель социальной роли, выполняя заказ либо самих участников межъязыкового общения, либо иных лиц, заинтересованных в том, чтобы коммуникация состоялась. По мнению некоторых авторов, лояльность переводчика к заказчику превращает его в «наемника» – «*mercenary*» [14, р. 6].

В разных концепциях перевода разные исследователи отводят переводчику более или менее зависимую от заказчика роль, давая обоснования большей или меньшей свободы в его деятельности.

Так, В. Виллс в своей концепции, уделяя значительное место роли личности переводчика и целям, которые он сознательно или бессознательно преследует, тем не менее, напрямую ставит успешность действий переводчика в зависимость от его точности определения требований, которые предъявляют ему заказчик и адресат перевода. Таким образом, В. Виллс не соглашается с принципом «самостоятельного права переводчика на окончательное решение», который провозглашают сторонники «скопос-теории» (Х. Вермеер, К. Райс, Ю. Хольц-Мянттяри) [5].

Нельзя отрицать, что переводчик, получив от заказчика задание на передачу информации, в процессе своей деятельности самостоятельно решает, что и как должно быть передано, чтобы обеспечить оптимальный прием передаваемой информации. Это положение особенно справедливо в отношении устного перевода, в большей степени связанного с отбором и компрессией информации. В указанном смысле переводчик в рамках своей профессиональной деятельности преодолевает культурные и языковые барьеры, создавая текст, отвечающий желанию заказчика, при этом данный текст может создаваться и при коммуникации

в рамках одного языка (например, в связи с диглоссией). Посредничество-перевод в узком смысле всегда использует некий исходный текст, тогда как посредничество-медиация, о котором речь пойдет ниже, может включать советы и даже предостережения в отношении принятого способа коммуникации.

Рассматривая современные теоретические концепции перевода, можно заметить, что вопрос разграничения собственно перевода и коммуникативной языковой медиации пока не имеет однозначного решения. Как отмечает С. Вьяджо, функциональный подход (Найда, Львовская, Гарсия Ланда) слишком ограничен («*to translate is to reproduce logic/propositional content*» / «переводить – означает воспроизводить логическое/пропозициональное содержание») (*Здесь и далее перевод авторов – Е. П., Е. С.*) и неспособен отличить перевод от других видов межъязыкового посредничества; подход сторонников скопос-теории К. Райс и Х. Вермеера предлагает слишком широкое определение («*to translate is to offer an information offer about another information offer*» / «переводить – значит предоставить информацию о другой предоставленной информации»); а стоящий особняком подход Осимо («*to translate is to produce a “mental metatext” out of a “mental prototext”*») / «переводить – это создавать –ментальный метатекст», опираясь на –ментальный прототекст») слишком расплывчат, чтобы с достаточной точностью определить, что же именно призван осуществлять в своей деятельности переводчик как профессиональный межъязыковой посредник [14, p. 16].

Обратимся к англоязычной словарной дефиниции понятий «переводить» – «*to translate*» – «*to change written or spoken words into another language*» / «заменить устный или письменный текст, созданный на одном языке, на текст, создаваемый на другом языке» [12, p. 1593], «*to express the meaning of speech or writing in a different language*» / «выразить значение устной или письменной речи средствами другого языка» [13, p. 1631] и «посредничать» – «*to mediate*» – «*to try to end a disagreement between two or more people or groups by talking to them and trying to find things that everyone can agree on*» / «стараться прекратить разногласия между двумя и более людьми или группами людей путем переговоров и поиска возможностей достижения соглашения» [Ibidem, p. 953], «*to find an agreement or solution that settles a disagreement*» / «найти возможность соглашения или способ по урегулированию разногласий» [12, p. 935-936]. Мы видим, что словарная дефиниция перевода наиболее близка к его прототипическому определению, в то время как вмешательство языкового посредника-медиатора бывает обусловлено наличием конфликтной ситуации либо (в более широком смысле) угрозой успешности коммуникации, причиной которых являются, как можно предположить, культурные, интеллектуальные, психологические и другие барьеры.

В соответствии с подходом, принятым в «Общеввропейских компетенциях...», под медиацией понимается посредничество, обеспечивающее коммуникативное взаимодействие двух и более коммуникантов, непосредственное общение между которыми невозможно в силу каких-либо обстоятельств. Языковая медиация может быть, как считается, неинтерактивной (трансмиссия информации от коммуникатора к реципиенту без осуществления обратной связи) или интерактивной (передача сообщения от коммуникатора реципиенту и затем наоборот). К медиации смешанного типа относят языковое посредничество с элементами интеракции между медиатором и одним из коммуникантов (в отличие от медиации в условиях интеракции, когда коммуникативное взаимодействие осуществляется между коммуникантами, а медиатор выполняет чисто посредническую функцию). В этом случае медиатор несет на себе двойную функциональную нагрузку: языкового посредника и активного (полноправного) коммуниканта. Эффективный медиатор подчас способен выразить смысл высказывания и намерение говорящего более отчетливо, чем другой коммуникант или даже сам говорящий [7].

С. Вьяджо считает, что если, согласно определению Л. Витгенштейна, перевод – это языковая игра, состоящая в том, чтобы в последующем речевом акте повторить на одном языке то, что было сказано в предыдущем речевом акте на другом языке, то медиация – «игра» более широкого охвата. Медиация имеет своей главной задачей обеспечить идентичность передачи идей и/или их прагматическое соответствие в различных ситуациях, но всегда имеет своей целью достижение успешной коммуникации. При этом медиация вовсе не обязательно должна быть межъязыковой и может быть востребована при монолингвальном общении, а также посредник может решать свою коммуникативную задачу, кроме прочего используя диглоссию или полиглоссию. Затрагивая профессиональные аспекты переводческой деятельности, С. Вьяджо следующим образом проводит границу между «просто» переводом и межъязыковой коммуникативной медиацией: «...*the role of the mediator is, precisely, modulating -or manipulating- meanings <...> in order to help communication overcome all manner of hermeneutic and pragmatic barriers in order to serve its metacommunicative purpose*» [14, p. 23] / «...а точнее, роль медиатора заключается в модулировании значений – или манипулировании ими – для того, чтобы поспособствовать коммуникации преодолеть любого рода герменевтические и прагматические барьеры в целях осуществления метакоммуникативных задач».

Мы намеренно приводим это положение на языке оригинала и склонны считать, что в такой трактовке значение термина *mediator* в большей мере соответствует принятому нами понятию «медиатор», нежели более широкому понятию «посредник».

Мы полагаем, что основной особенностью коммуникативной языковой медиации как вида языкового посредничества является наличие у языкового посредника собственной коммуникативной цели и намерения. Если при переводе посредник не имеет собственного коммуникативного намерения и лишь выполняет внешний заказ, то при языковой медиации все участники коммуникации имеют собственную коммуникативную интенцию и выступают как равноправные партиципаны.

Таким образом, под коммуникативной языковой медиацией мы подразумеваем процесс оптимизации речевого общения двух или более коммуникантов сторонним участником, который может осуществляться как

в случае межъязыковой коммуникации, т.е. в совокупности с переводом, так и в пределах одного языка. В любом случае целью медиации являются устранение конфликтной составляющей коммуникации и гармонизация общения [10, с. 419-420].

Коммуникативная языковая медиация – это исключительно коммуникативная роль, определяемая как динамический аспект статуса [1], с которым связано понятие коммуникативной инициативы, отражающее социально-психологическое состояние коммуникантов. Эта категория соответствует целому набору способов коммуникативного управления интеракцией (инициативные предписывающие ходы, активное установление и смена коммуникативных ролей, темы, стиля, тональности беседы).

Н. Д. Арутюнова отмечает, что правильное ведение коммуникации обеспечивается согласованностью параметров коммуникантов, которые иногда могут быть асимметризованы различиями в поле, возрасте, социальном положении и т.п. Рассогласование параметров собеседников часто ведет к нарушению коммуникации. При этом в каждом обществе существует некая система «рассогласования» участников речевых актов, связанная с вовлечением в коммуникацию категории «посредников» (заступников, ходатаев, «поддерживателей» и т.п.) [2, с. 357-358]. Таким образом, востребованность включения медиатора в процесс коммуникации появляется в момент, когда возникает угроза успешности коммуникации либо угроза лицу одного или обоих собеседников.

Дополняя концепцию Гарсиа Ланды, который считает, что у любого участника коммуникации могут возникать интеллектуальные или когнитивные затруднения, С. Вьяджо отмечает, что причиной непонимания также могут стать и психологические барьеры [14, р. 49]. Психологические разногласия являются камнем преткновения моноязычной коммуникации (и это еще в большей степени верно, если коммуникация является межъязыковой), при этом если общение протекает успешно, его участники не нуждаются в медиаторе [Ibidem, р. 71].

По-видимому, любой монолингвальный или билингвальный участник коммуникации, обладающий «естественной» социальной способностью осуществлять речевую деятельность в принципе, также обладает «естественной» психологической способностью осуществлять медиацию.

Возвращаясь к посредничеству-переводу, подчеркнем, что перевод – это коммуникативная роль и профессиональная деятельность, работа по заказу. Переводчик, в отличие от медиатора, связан двусторонними обязательствами. В целом профессионального переводчика характеризует отсутствие самостоятельной интенции. В свою очередь, медиатор может быть не связан обязательствами ни с одной из сторон или же может быть связан обязательствами с одной или с обеими сторонами.

Таким образом, мы можем заключить, что границы перевода как речевой деятельности размыты. В любом акте перевода заложено варьирование в плане «упаковки» и объема информации: выбор регистра, фильтрация и ранжирование информации, экспликация. Особенно заметно такое варьирование именно в устном переводе, то есть в коммуникации лицом к лицу. Возможность этого варьирования и приводит к тому, что границы данного явления размываются. В то же время переводчик далеко не полностью свободен в выборе средств варьирования. Кроме того, переводчик выполняет свою коммуникативную функцию с момента начала коммуникации и до ее окончания. Если переводчика и можно назвать медиатором, то, как подчеркивает Ю. А. Сорокин, лишь медиатором креативным, «реконструирующим соответствующий контекст» [9, с. 31].

Прототипическая коммуникативная медиация, в свою очередь, не является видом профессиональной деятельности или работой по заказу. Обладая самостоятельной интенцией, медиатор гораздо более свободен в выборе средств (вербальных и невербальных), самостоятельно выбирая объект лояльности. Медиация – это обычно самоназначенная и окказиональная деятельность. Медиатор может вступить в коммуникацию на любом этапе, когда, по его мнению, успешность коммуникации или лицо коммуниканта находятся под угрозой.

Как только мы начинаем говорить о посредничестве по заказу (или, возможно, по просьбе), медиация начинает сдвигаться в сторону перевода. Рассмотрим на примере ситуацию общения, в которой языковая медиация осуществляется в условиях межъязыковой коммуникации.

Участниками коммуникации являются: Рик, новый тренер футбольной команды, недавно приехавший в Италию (адресант), и итальянские футболисты (адресаты), которые рассматриваются как коллективный коммуникант. В роли медиатора выступает Сэм, администратор команды, связанный межличностными отношениями с обеими сторонами, который является полноправным участником коммуникации, заинтересованным в установлении дружественных отношений между сторонами коммуникации. Ситуация языковой медиации является запланированной. Инициатором общения является новый тренер Рик (*Rick had mentioned to Sam earlier that he needed just a few words with the team* / Рик заранее сообщил Сэму, что ему нужно сказать команде пару слов). Медиатором выступает участник коммуникации, владеющий обоими языками. В данной ситуации необходимость в медиации вызвана языковым барьером между адресантом и адресатами [11, р. 107-108].

Как самостоятельный участник коммуникации, Сэм (медиатор) реализует фатическую составляющую общения: приветствует свою команду и представляет ей нового тренера (*When Sam finished his welcoming remarks, he introduced Rick and handled the translation* / Покончив с приветствиями, Сэм представил Рика игрокам и взял на себя роль переводчика). Рик (адресант) начинает свою приветственную речь: *«I'm very happy to be here, and looking forward to the season»* / Я рад, что оказался среди вас, и с нетерпением жду начала сезона. На этом этапе медиатор проявляет лояльность адресанту, осуществляя перевод. Характерно, что здесь и далее в тексте переведенные фрагменты не приводятся. Автор использует лишь метаязыковую однословную констатацию: *Translation*. Адресаты улыбаются, подтверждая тем самым, что на этом этапе процесс медиации идет успешно.

Адресант считает необходимым дать информацию о своей предыдущей карьере: *«I've played in the NFL, but not very much, and I have never played in the Super Bowl»* / Я играл за команды НФЛ, но не очень много,

и никогда не участвовал в матче за Суперкубок. Медиатор хмурится, предчувствуя возможный коммуникативный сбой, но передает смысл сказанного (*Sam frowned and rendered*). Автор сообщает, что в итальянской культуре скромность и самоуничижение не относятся к числу основных моральных ценностей, о чем медиатор планирует впоследствии дать разъяснения адресату (*He would explain later that the Italians take a dim view of modesty and self-deprecation* / Он позже объяснит Рикку, что скромность и самоуничижение у итальянцев не в чести). Мы видим, что, осознавая различие между двумя культурами и не скрывая своего неудовольствия избранной Риком тактикой выступления, медиатор спасает его лицо и планирует продолжить свою посредническую деятельность во избежание коммуникативных неудач Рика в будущем.

Адресант, не распознав невербального сигнала медиатора, продолжает следовать первоначально избранной тактике: *«In fact, I've never started a game as a professional»* (Если разобраться, я не провел ни одной игры в качестве профессионала). Медиатор опять хмурится и замедляет темп речи (*Another frown, slower Italian*). Повторный невербальный сигнал в сочетании с параязыковым заставляет адресанта заподозрить, что медиатор неадекватно передает содержание его выступления (*Rick wondered if Sam wasn't doctoring his little speech* / Рик начал опасаться, не подпортил ли Сэм его маленькую речь). Адресаты-итальянцы больше не улыбаются, что свидетельствует об их сдержанной реакции, не соответствующей ожиданиям адресанта. На этом этапе, несмотря на участие медиатора, который обладает достаточной языковой компетенцией и проявляет лояльность обеим сторонам, успешность коммуникации оказывается под угрозой. Адресант Рик усматривает необходимость предложить разъяснение по поводу своих фактических амбициозных планов: *«Just wanted to clear that up. It is my goal to win my first Super Bowl here in Italy»* / Я хотел бы немного прояснить дело. Моя цель – завоевать первый в моей жизни Суперкубок здесь, в Италии. Медиатор Сэм не скрывает своего одобрительного отношения к такому развитию дискурса, выражая это параязыковым сигналом (*Sam's voice grew much stronger* / Голос Сэма окреп). Выступление Рика заканчивается аплодисментами итальянских футболистов.

Мы видим, что временное коммуникативное затруднение, обусловленное психологическими и культурологическими факторами, преодолено, и коммуникация в итоге оказывается успешной, причем собственная коммуникативная цель медиатора (гармонизация отношений между участниками) также достигнута. Свое субъективное отношение к переводимому им тексту медиатор демонстрирует невербальными и паралингвистическими средствами (мимикой, изменением темпа речи), таким образом сигнализируя говорящему о необходимости изменения тактики, но при этом продолжая действовать в рамках межъязыкового посредничества.

Приведенный пример наглядно показывает, что соотношение между переводом и медиацией носит динамический характер. В процессе медиации речевые действия медиатора могут вплотную смыкаться с переводом, но при этом медиатор может выражать личностное отношение к содержанию речи и речевому поведению коммуникантов, утверждая тем самым самостоятельность своей коммуникативной интенции, а также может прогнозировать реакцию адресата и планировать последующую коррекцию коммуникативной тактики адресанта. В противоположность этому посредник-переводчик не преследует собственной коммуникативной цели, а выполняет поставленную задачу – «объективно» обеспечивает речевое общение людей, разделенных лингвоэтническим барьером. В процессе коммуникации с посредником медиация может приобретать черты перевода, как показывает вышеприведенный пример, а перевод – черты медиации. С нашей точки зрения, наиболее приближена к медиации такая стратегия устного перевода, при которой переводчик использует номинацию коммуниканта («Господин Н. считает, что...») как указание на источник переводимого фрагмента.

В целом можно заметить, что у медиатора метакоммуникативный характер языковой деятельности преобладает над метаязыковым, в то время как у переводчика доминирующей является метаязыковая составляющая.

Следовательно, для изучения трилога, в котором участвуют собственно коммуниканты и коммуникант-медиатор, разграничение перевода и медиации является вполне целесообразным и обоснованным. Оно позволит выявить те специфические языковые средства и речевые приемы, которые используются при коммуникативной языковой медиации.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 290 с.
2. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1981. Т. 40. 4. С. 356-367.
3. Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.
4. Демьянков В. З. Тайна диалога: (Введение) // Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования. М., 1992. С. 10-44.
5. Комиссаров В. Н. Общая история перевода. М., 1999. 134 с.
6. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта; Наука, 2003. 320 с.
7. Общевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка. М.: Изд-во МГЛУ, 2003.
8. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18. С. 242-263.
9. Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 160 с.
10. Статеева Е. В. Университетское переводоведение: материалы XII международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». СПб.: СПбГУ, 2013. Вып. 12. С. 417-423.
11. Grisham J. Playing for Pizza. N. Y., 2011. 116 p.
12. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2nd edition. Oxford, 2007. 1748 p.
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 7th edition. Oxford, 2005. 1780 p.
14. Viaggio S. A General Theory of Interlingual Mediation. Frank & Timme GmbH, 2006. 241 p.

TRANSLATION AND COMMUNICATIVE LINGUISTIC MEDIATION: LIMITS OF NOTIONS

Petrova Elena Serafimovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Stateeva Elena Vasil'evna
Saint Petersburg State University
saint-petelena@mail.ru; helenarty@mail.ru

In the article the analysis of the linguistic intercession phenomenon in conditions of both interlinguistic and monolingual communication is carried out. The general notion "linguistic intercession" is divided into "intercession-interpretation" and "intercession-mediation", mainly on the basis of the parameter of the presence of his own communicative intention of an intermediary-mediator in contrast to the "impartiality" of a prototypical intermediary-interpreter. By the material of modern English-language literature the authors identify the key features of linguistic communicative mediation as a specific type of linguistic intercession. Finally the conclusion about the dynamic nature of correlation between interpretation and linguistic communicative mediation is drawn.

Key words and phrases: linguistic intercession; interpretation; linguistic mediation; dialogue; communicative intention; communicative impediment; monolingual communication; interlinguistic communication.

УДК 070

Филологические науки

В статье рассматриваются характерные особенности эротической информации в СМИ как товара на российском рынке, выделяется позитивное и негативное влияние применения эротической тематики в журналистике, анализируется модель ориентирования на прибыль с помощью эротической информации в современных российских СМИ. Делается вывод о том, можно ли современной журналистике ликвидировать или ослабить влияние экономического фактора и каким образом можно этого добиться.

Ключевые слова и фразы: журналистика; СМИ; экономика; товар; потребление; реклама; эротика.

Петропавловский Андрей Евгеньевич
Пензенский государственный университет
vivih@yandex.ru

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ОСВЕЩЕНИИ ЭРОТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ[©]**

Отечественная журналистика начиная с 90-х годов XX века стала развиваться с учётом новых принципов, в первую очередь экономических. После «перестройки» экономический фактор стал играть особенно важную смыслообразующую роль. Как отмечает С. М. Гуревич, этот фактор всегда сильно влиял на журналистику, «на определение её целей и задач, формирование связанных с нею структур» [2, с. 96-97]. Советская модель функционирования журналистики на основе партийных требований была ликвидирована, медиасфера получила свободный доступ к рынку. Появилась информационно-развлекательная журналистика, которая использовала «естественное любопытство человека ко всему неведомому, необычному...» [1, с. 26], каким являлась на тот момент тема эротики, секса. Однако, став политически свободной в гражданском смысле, она попала в иную зависимость – экономическую. Это означает, что рынок стал диктовать свои условия, следование которым помогало медиасфере существовать.

Взаимовлияние медийной и экономической сфер нашло отражение в работах С. М. Гуревича [2; 3], А. А. Грабельникова [1], Я. Н. Засурского [4], М. И. Маевской [5], М. В. Семкиной [6], И. П. Щерблыкина [7] и других.

Многочисленные эротические издания, появившиеся в новой России, можно рассматривать как результат тех же перемен. Скорее всего, именно стремление к получению финансовой прибыли явилось первоначальным условием для развития журналистики эротического характера. У значительной части российского общества существует мнение, что распространение эротической информации через СМИ – это целенаправленное действие носителей западного мировоззрения с целью разрушить традиционные основы русской культуры. Если предположить, что это действительно так, то необходимо поставить над эротическими журналистскими материалами жёсткую цензуру либо запретить полностью освещение эротической тематики в СМИ. Но в этом случае подобные действия окажутся неоправданным насилием над информационной сферой, нарушением свободы слова, гарантируемой основными законодательными документами во всём демократическом мире.

Всё чаще материалы об эротической сфере в журналистике стали подаваться в целях просвещения. Вполне естественно, что явно эротические темы и изображения в таких материалах более эффективны для продаж, чем сухая научная и околонучная информация.

В советский период в журналистике пропагандистские материалы явно преобладали. Это породило у аудитории потребность в развлекательной информации. На новом этапе это позволило эротической журналистике занять важное место на информационном рынке. Появился значительный спрос на подобную информацию. Данный механизм лежит в основе капиталистического производства.